

Про Тарокана, сына Заморенина

Как во стольнѣм во городе во Киѣве
Как у ласкова князя да у Владимира,
Как у ласковой ой кнегины Апраксеей
Тут заводитсэ у солнышка а почесеен пир
Как на всех-де бояр да на толстобрюхиих,
Как на всех и-де крестьян да православных,
Как на всех на русских могучих на богатырей.
Кабы стол-от идѣт-ту у них в полустолá,
Кабы пир-от идѣт у них в полупира́,
Кабы солнышко ходит среди пола.
Кабы все-де на пиру да напивалися,
Все-де на честном да наедалися,
Уж как все на пиру да прирасхвастались.
Умный-от хвастает старым отцом,
А р<азумн>ый-от хвастает старой матерью,
Уж как глупой-от хвастает молодой женой.
С<олн>ышко ходит среди полá,
Он в одной-де рубашке да сам без поеса,
Он в одних-де чеблетах да без чулочиков,
Он каблук-де о-а каблук и да поколачиват,
Тихо-смирную речь сам выговариват:
«Ох вы <как> все вы на пиру сидите поженены,
Добры дочери за вас да всё повыбраны,
Да я один-де хожу да не жонат живу,
Кабы кто мне нашёл ноньче супружницу,
Как супружницу нашёл да сплюбовницу,
Кабы можно было да мне её замуж взять,
Кабы можно-де было жоной ее назвать».
Уж как все-де на пиру да приюмолкнули,
Кабы все-де на честном да призадумались,
Кабы старой-от хоронитсэ за среднего,
Кабы среднѣй-от хоронитсэ за меньшего,
Аж меньшей-от хоронитсэ за пришлого,
Кабы у пришлого у нишшего нонь ответу нет.
(Никто отвечать не хочет.)

Из того-де из-за столика передьнёго,
Как со той ли скамьи-лавки ай да всё дубовой,
Тут вставаёт удалой доброй молодец,
Тарокан-от-де встает да сын всё Заморенин.
Он тихохонько ко князю подвигаетца,
Перед самым-де он князем да становитца,
Тихо-смирную речь да выговаривает:
«Ох ты го́й еси, солнышко Владимир-князь!
Ты позволъ-ка мне, князь, слово молвити,
Но за это за слово не казнить меня,
Не казнить меня, да не вешати».
Говорит тут солнышко Владимир-князь:
«Ох ты го́й еси, Тарокан да сын Заморенин!
Говори ты слово, не утаивай,
За собой речь ты не удярживай,
Не будешь казнён, не будешь вешаный».
Говорит тут Тарокан да сын Заморенин!
«Я бывал-де, живал за синім морём,
За тем-де за морем за Хвалынскимим,
У того-де Семёна да Леховитого,
Леховитого-де Семёна да страховитого.
Уж как три-де года жил я да во ко́нюхах,
Уж как три-де года жил я во стольниках,
Уж как три-де года жил я во ключниках,
Поверена мне была да золотá казнá.
Есь у Семёнушка три дочери:
Перьявая дочка есь Настасьюшка,
Она злая паленица да преудалая,
Ездит Настасья ко синю́ морю́,
Стреляет гусей да белых ле́бедей,
А проме́ж тем малы́х серы́х утёнышков;
Уж как вторая дочь да есь Апраксея,
Она статным-де статна́, полна возраста,
Русы косá да полна во́лосом,
Из косточки в кость мозг переливается,
Скатно́й да жемчюг перекатается,
Сквозь белую рубашку тело всюду видиться.
Уж как можно Апраксею тебе замуж взять,
И можно Семёновну женой назвать».

Говорит то́гда солнышко Владимир-князь:
«Ох ты го́й еси, Тарокан да сын Заморенин!
Поеждяй-ка ты теперь да за сине море
К тому-де Семёну да Леховитому,
Леховитому Семёну да страховитому,
Привези ты мне дочь Апраксею,
Наделю я тебя да золотой казной,
Города тебе дам да с пригородками,
Сёла дам да со присёлками».

Говорит то́гда Тарокан да сын Заморенин:
«Уж ты го́й еси, солнышко Владимир-князь!
Снареди-ка ты мне да три кораблика,
Три кораблика, да три червлёных,
Нагрузи-ка их ты товарами,
Ты товарами да всё заморскими.
Дай ищю мне три богатыря:
Старого казака да Илью Муромца,
Добрынюшку сына Никитича,
Смелого Олёшу Поповича,
Добром не дадут — мы силой возьмём,
А не силою возьмём — смелостью,
А не смелостью, так хитростью».

(Дальше немного забыл.) Они привезли силою её. С Настасьей бились.
Добром не дали. Для того и
богатырей взяли. Илья Муромец, тот — сильный богатырь, Олёша — смелый.
Они силой и привезли.
Пир был, всё хорошо было.

(Зап. Астаховой А. М.: 5 июля 1929 г., сел. Усть-Цильма — от Дуркина Павла Федоровича, 54 г.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.